

Наталья В. Юдина

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

Ул. Горького, 87, 600000, г. Владимир, Россия

Тел. +7 49 22 47 77 34

E-mail: dr.yudina@mail.ru

Область научных интересов автора: теория языка, философия языка, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, социолингвистика, активные процессы в языке начала XXI века, современная языковая личность

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: ДИАХРОННО-СИНХРОННЫЙ АСПЕКТ

Настоящая статья посвящена анализу одного из наиболее востребованных в современной лингвистической практике терминов – дефиниции «языковая личность». Введенное в русскоязычный научный обиход еще в 30-х годах XX века акад. В.В. Виноградовым, понятие «языковая личность» стало наиболее активно использоваться в связи с возросшим интересом к антропоцентрическому фактору в языке и сменой научной лингвистической парадигмы, начиная с 80-х годов XX века. Обобщая некоторые терминологические и концептуальные описания языковой личности, представленные в русскоязычной лингвистической литературе, автор статьи приходит к выводу о том, что в настоящее время теория языковой личности исследуется в сфере лингводидактики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, этнолингвокультурологии, психолингвистики, лексикографии, стилистики, прагматики и других интра- и экстралингвистических дисциплин. Комплексный анализ позволяет выделять в структуре языковой личности вербально-семантический (лексикон), лингвокогнитивный (тезаурус), мотивационный (прагматикон) (по Ю. Н. Караулову), а также стилистический, коммуникативно-прагматический, лингвокультурологический, эмоциональный, моторно-артикуляционный и многие другие уровни. Нуждается в уточнении и систематизации различение терминов языковая, речевая и коммуникативная личность. Дальнейшие концептуальные и терминологические поиски в описании языковой личности представляются крайне необходимыми для современной лингвистической науки. Формирование и становление языковой личности отражает объективные и субъективные трансформации современного информационного общества, являясь их неотъемлемой составляющей, а дальнейшее изучение языковой личности внесет посильный вклад в понимание общественно-политических, экономических, социокультурных и собственно лингвистических процессов, происходящих в XXI веке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антропоцентрический фактор, языковая личность, концепция языковой личности, уровни языковой личности, речевая личность, коммуникативная личность, лингводидактическая модель, русский язык, экстралингвистические дисциплины.

Проблема «человеческого фактора» в языке на протяжении всего существования и развития человечества так или

иначе всегда была в центре внимания лингвистических исследований, ибо, по справедливому замечанию В. фон Гум-

больдта, «изучение языка не заключает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа – цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» (Гумбольдт 1985, с. 34).

В этой связи крайне востребованным был и остается особый лингвистический термин, необходимый для определения места и роли человека в языковой системе. Таким термином, совмещающим в себе два феномена различной природы, стало понятие *языковая личность*. В этой связи имеется в виду: 1) любой конкретный носитель того или иного языка-культуры, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения специфики использования в этих текстах системных строевых средств данного языка для отражения видения и оценки им окружающей действительности и для достижения определенных целей в этом мире; 2) комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий в себе системное представление языка с функционированием его в процессах порождения текстов (Языковая личность 2006, с. 515). Сам термин *личность* обычно связывается со становлением индивида в социуме, и его денотат объединяет как свойство *homo sapiens* – класса живых существ, обладающих способностью к речи и абстрактному мышлению, так и свойства отдельного индивида – субъекта, отличающегося своими свойствами от других представителей рода человеческого (Леонтьев 1975). Таким образом, учитывая содержание предлагаемого термина, мы можем говорить, что линг-

вистика предлагает инструмент изучения человека в процессе порождения текстов как со стороны его общих возможностей к созданию речевых произведений, так и со стороны реализации его индивидуальных речевых и когнитивных навыков.

Есть мнение, что термин *языковая личность* был впервые введен в русскоязычный научный обиход акад. В. В. Виноградовым. Так, в работе 1930 года «О художественной прозе» читаем: «... если подниматься от внешних грамматических форм языка к более внутренним («идеологическим») и к более сложным конструктивным формам слов и их сочетаний; если признать, что не только элементы речи, но и композиционные приемы их сочетаний, связанные с особенностями словесного мышления, являются существенными признаками языковых объединений, то структура литературного языка предстает в гораздо более сложном виде, чем плоскостная система языковых соотношений Соссюра ... А личность, включенная в разные из этих «субъектных» сфер и сама включая их в себя, сочетает их в особую структуру. В объектном плане все сказанное можно перенести и на parole, как сферу творческого раскрытия **языковой личности**» (Виноградов 1930, с. 62).

Однако свое широкое распространение на материале русского языка термин *языковая личность* получил, начиная с 80-х годов XX века, в связи с возрастающим интересом к синергетическому знанию и антропоцентрическому фактору в языке, что было обусловлено не только и не столько внутриязыковыми, сколько внешними причинами (общественно-политическими, социально-экономическими и социокультурными трансформациями). Именно с этого хронологического

отрезка начинают свой отсчет множество крупных научных школ, посвятивших свои исследования миру языка и миру человека, в том числе и теории языковой личности.

По мнению Ю. Н. Караулова, одного из основоположников концепции языковой личности, к языковой личности как задаче исследования, объекту изучения и как исследовательскому приему можно прийти тремя путями: 1) психолингвистическим (ср. в этой связи, например, исследования И. А. Бодуэна де Куртенэ), 2) лингводидактическим (см., напр., программную работу Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка») и 3) от изучения языка художественной литературы (вслед за В. В. Виноградовым) (подробнее о предпосылках включения языковой личности в объект науки о языке и о тенденциях развития теории языковой личности в отечественной лингвистике см. в: (Караулов 2002, с. 28)).

В настоящее время *языковая личность* входит в сферу исследования множества фундаментальных и фундаментально-прикладных дисциплин. При этом необходимо заметить, что сформулированное В. В. Виноградовым понятие *языковой личности* оказалось более всего востребованным на этапе детального изучения данного феномена применительно к экстралингвистическим и фундаментально-прикладным исследованиям. По справедливому замечанию Ю. Н. Караулова, «...в более явном виде выход на проблематику языковой личности осуществляется в рамках дисциплин, относящихся к периферии науки о языке, – в лингводидактике и методике преподавания языков. В этом смысле лингвистика отстает от других наук общественно-гуманитарного цикла,

которые более решительно обращаются к человеку, более пристально вглядываются в интересы отдельной личности, более существенное значение придают психологическому фактору в развитии различных областей и периодов общественной жизни» (Караулов 2002, с. 48).

В этой связи именно лингводидактика стала одной из первых дисциплин и в прямом, и в переносном смысле, обративших пристальное внимание на *homo loquens* («человека говорящего») и на его способность пользоваться языком – как на родовое свойство человека (вида *homo sapiens*). Еще Ф. И. Буслаев в своем программном труде «О преподавании отечественного языка» справедливо указывал на то, что «родной язык сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе и развивать духовные способности учащегося» (Буслаев 1992, с. 30). Спектр исследований языковой личности в русле **лингводидактики** в XX и в XXI веке очень широк.

Так, например, согласно мнению В. В. Соколовой, за термином *языковая личность* стоит «реальность в виде субъекта, обладающего совокупностью способностей и свойств, позволяющих ему осуществлять сугубо человеческую деятельность – говорить, общаться, создавать устные и письменные речевые произведения, отвечающие целям и условиям коммуникации, извлекать информацию из текстов, воспринимать речь» (Соколова 1995, с. 11).

Г. И. Богин, предлагая свою лингводидактическую модель языковой личности, исходит из постулата о том, что языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности исполнять речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» (Богин

1984, с. 14). Г. И. Богин предлагает выделять пять уровней владения языком: 1) уровень правильности (знание основных строевых закономерностей языка); 2) уровень интериоризации (умения реализовать и воспринимать высказывания в соответствии с внутренним планом речевого поступка); 3) уровень насыщенности (отражение в речи выразительных средств языка); 4) уровень адекватного выбора (соответствие используемых в высказывании языковых средств сфере общения, коммуникативной ситуации и ролям коммуникантов); 5) уровень адекватного синтеза (соответствие порожденного личностью текста всему комплексу содержательных и коммуникативных задач, положенных в его основу). Эти и ряд других позиций отражают адекватные представления современной лингводидактики в отношении структуры и содержания понятия *языковая личность*, которая в результате предстает как многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности (подробнее см.: (Богин 1975; 1984)).

Интересно также отметить, что именно в сфере лингводидактики первоначально были выдвинуты и два других понятия, как оказывается сегодня, крайне необходимых для формирования более целостного представления о языковой личности: *речевая личность* и *коммуникативная личность*. Так, например, Ю. Е. Прохоров справедливо указал на то, что «если *языковая личность* – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, *речевая личность* – это языковая личность в парадигме реального общения» (Прохоров 1996, с. 59) (о феномене речевой личности см. также (Клобукова 1995; 1997)).

По мысли В. В. Красных, под *языковой личностью* следует понимать «личность, проявляющую себя в речевой деятельности, обладающую определенной совокупностью знаний и представлений» (Красных 2003, с. 51). *Речевую личность* можно интерпретировать как личность, реализующую себя в коммуникации, выбирающую и осуществляющую ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающую и использующую тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических), в то время как *коммуникативная личность* – это конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации (Красных, там же). Данная гипотеза, включающая в себя, помимо языковой личности, речевую и коммуникативную, вошла в лингвистику как концепция «человека говорящего» и в настоящее время активно используется в сфере лингводидактики (см., напр., Михалкина 1998).

Не менее актуально понятие языковой личности и применение различных аспектов ее изучения и в другой фундаментально-прикладной сфере – **лексикографии**. Общеизвестно, что современная лексикография представляет слово во всей совокупности его свойств и стремится к тому, чтобы воплотить в словарной форме все аспекты полученных знаний, включая не только интралингвистические, но и экстралингвистические особенности отражаемых языковых единиц.

В этой связи одним из крайне необходимых аспектов в фундаментально-прикладной сфере изучения языковой личности стало и продолжает являться антропоцентрическое лексикографирование, идея создания которого была почти

одновременно выдвинута В. В. Морковкиным и Ю. Н. Карауловым (подробнее см.: (Караулов 1987, с. 26–27; Морковкин 1988, с. 132)). В центре внимания настоящих исследований находится попытка создания словарей, описывающих «не абстрактную систему, а живой язык, данный в реальном употреблении и ориентированный на языковое сознание современников» (Скляревская 2006, с. 366). Отрадно заметить, что такие словари, основанные на идее антропоцентрического лексикографирования, уже появились и продолжают появляться в сфере русского языка (см., напр.: (ТССРЯ 2001; Скляревская 2004 *и др.*)). Вероятно, следующим, более сложным этапом лексикографирования должно стать синергетическое лексикографирование, основанное, по мысли В. В. Морковкина, на «таком предъявлении и распределении информации о различных свойствах рассматриваемых в словаре языковых единиц, при котором предъявляемые сведения, целесообразно сопрягаясь и по возможности усиливая друг друга, обеспечивают достижение максимального стереоскопического объяснительного эффекта» (Морковкин 2006, с. 352), направленного на максимальное удовлетворение лексикографических потребностей современной языковой личности.

Примером удачной реализации идей, описывающих повседневно-обыденную речемыслительную деятельность носителя русского языка и русской культуры применительно к моделированию языковой картины мира, можно считать монографию Ю. Н. Караулова, Ю. Н. Филипповича «Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования», в которой предложены при-

нципы построения и функционирования лингвокультурного когнитивера русского языка, включающего семь тысяч когнем (единиц знания) и более ста референтных областей (подробнее см.: (Караулов *и др.* 2009).

И все же, по мнению Ю. Н. Караулова, «в лингвистике личность не стала пока равноправным с языком объектом изучения, оставаясь скрытым, незаявленным, а иногда и неосознанным предметом исследовательского интереса, например, в стилистике» (Караулов 2002, с. 48). Вместе с тем, языковая личность во многом является центром изучения наук, находящихся на стыке лингвистики и других смежных с ней дисциплин. Очевидно, это связано с тем, что категория языковой личности и сопутствующие ей концептуальные ориентиры адекватно соответствует новому антропоцентрическому этапу развития языкознания XX–XXI века. В этой связи среди фундаментальных исследований языковой личности можно выделить следующие релевантные аспекты, в русле которых намечены пути дальнейшего изучения комплекса идей, связанных с анализируемой проблемой: психолингвистический, лингвокультурологический, лингвокогнитивный, лингвофилософский и нек. др.

Вполне очевидно, что одним из наиболее ярких и фундаментальных этапов в истории изучения языковой личности является **психолингвистический аспект**. В упомянутой выше работе «О художественной прозе» В. В. Виноградов, анализируя аспекты изучения языковой личности И. А. Бодуэном де Куртенэ, замечает следующее: «Бодуэн де Куртенэ, подобно Потембне, устранил из своих исследований литературного

языка методы исторического анализа и историзм как мировоззрение. Его интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения разных социально-языковых категорий. Поэтому Бодуэну де Куртенэ проблема индивидуального творчества была чужда, и язык литературного произведения мог интересовать его лишь с точки зрения отражения в нем социально-групповых навыков и тенденций, «норм языкового сознания» или, как он иногда выражался, «языкового мировоззрения» коллектива» (Виноградов 1930, с. 18). Русская психолингвистика XX – XXI веков сконцентрировала свои исследования в русле изучения речевой деятельности, в первую очередь – механизмов порождения и восприятия речи. Вместе с тем, в работах А. А. Леонтьева, С. Д. Кацнельсона, И. Н. Горелова, А. А. Залевской, К. Ф. Седова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, А. М. Шахнаровича и мн. др. – в зависимости от исследовательских интересов авторов – акцент делается на проблемы языкового сознания и образа мира, на взаимоотношения речи и мышления, соотношение «язык – человек – общество» (включая понятие языковой личности); рассматриваются проблемы природы и структуры языковой способности человека, а также обращается внимание на этнокультурность специфики языкового сознания, различных аспектов взаимодействия языков и культур, языковых картин мира и др. (Залевская 2000, с. 25). Вместе с тем, как кажется, в специальной психолингвистической литературе терминологический приоритет отдается терминам *человек* и *индивид*, в то время как понятие *языковая личность* не является столь частотным.

Достаточно ярко понятие и теория *языковой личности* обсуждаются в настоящее время в области **лингвокультурологии** (см., напр.: (Карасик 2002) и мн. др.), **этнолингвокультурологии** (см., напр.: (Привалова 2005) и мн. др.), **литературоведения** (см., напр.: (Чернухина 1984) и мн. др.), **когнитивной лингвистики** (см., напр.: (Кубрякова 2004) и др.), а также в рамках педагогики, психологии, журналистики, риторики и других многочисленных отраслей знания. Вот примеры некоторых из предложенных концепций языковой личности.

Согласно концепции языковой личности И. Я. Чернухиной, в структуру языковой личности входят большая и малая многомерности. Параметрами большой многомерности являются интеллект (типы речевого мышления, менталитет); интуиция; пресуппозиция (знания о мире и человеке, которыми располагает данная личность, ее жизненный опыт – как вербализованный, так и невербализованный, то есть осознаваемая и неосознаваемая память); бытие в ауре добра; открытость природе, космосу; открытость ноосфере, культурной среде (национальный и иннациональный) и другие параметры. Малую многомерность языковой личности составляют: чувственные и интеллектуальные эмоции, которые она способна переживать; речевой темперамент, проявляющийся в доминирующих типах экспрессии: спокойной, напряженной и форсированной (Чернухина 1984).

М. А. Канчер предлагает модель языковой личности, содержащую три основных уровня: 1) стилистический, единицами которого являются языковые средства и приемы их употребления, предпочитаемые данной личностью;

2) коммуникативно-прагматический, включающий стратегические и тактические ходы; 3) лингвокультурологический, в центре внимания которого находятся национально-культурные речевые сценарии, нормы и модели речевого пользования, соотносящиеся с картиной мира личности (Канчер 2002, с. 11).

Однако, безусловно, касаясь различных аспектов языковой личности, исследователи так или иначе ссылаются на модель, предложенную Ю. Н. Карауловым, которая представлена тремя основными уровнями: вербально-семантическим (вербально-грамматическим), или лексиконом, лингво-когнитивным, или тезаурусом, и мотивационным, или прагматиконом. К *вербально-грамматическому* уровню Ю. Н. Караулов относит единицы, традиционно используемые при описании лексического и грамматического строя языка (слово, морфема, словоформа, словосочетание, синтаксема и др.). *Когнитивный уровень* организует статичную и относительно стабильную картину мира и включает в себя такие разнородные единицы, как денотат, сигнификат, фрейм, фразеологизм, метафора, каламбур и др. В качестве единиц *прагматического уровня*, отражающего интенции, цели и активную позицию носителя языка, выступают тексты, пресуппозиция, дейксис, способы аргументации «сценарии» и др. (Караулов 1997, с. 672).

В заключение данного краткого обзора хотелось бы заметить, что в настоящее время регулярно выходят сборники научных трудов, посвященные различным теоретическим аспектам изучения *языковой личности* (см., напр.: (Лингвофило-софский портрет современной языковой личности 2008; Языковая личность 2006 и др.)), предлагаются новые определе-

ния и классификации типов языковой личности (см., напр.: (Архипов 2008; Горелов и др. 2001; Каменская 1990; Лассан 2008; Пушкин 1990; Сидоров 1989 и др.)). Публикуются практические результаты анализа коллективных и индивидуальных языковых личностей, языковых личностей художественных персонажей и реальных людей, относящихся к различным возрастным, гендерным, социальным, политическим, профессиональным и иным группам. При этом понятие *языковой личности* вряд ли можно считать окончательно изученным.

Вполне очевидным остается тот факт, что термин *языковая личность* вышел за рамки собственно лингвистики в экстралингвистическую сферу. В настоящее время дефиниция *языковая личность* все чаще рассматривается как «естественный отклик коллективного исследовательского сознания на насущные потребности современной гуманитарной науки» (Ляпон 1995, с. 260). По мнению ряда лингвистов, языковая личность является «видом полноценного представления личности, вмещающим в себя психический, социальный, этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс. Понятие языковой личности интегрирует личностные и языковые процессы, а также охватывает основные этапы речемыслительной деятельности – от коммуникативного намерения до конечного продукта – текста» (Козырев и др. 2007, с. 31). Ввиду того, что понятие *языковая личность* имеет синергетический, комплексный характер и представляет интерес для ряда гуманитарных и общественных исследований, есть основания считать, что история изучения языковой личности

на материале различных языков будет динамично развиваться. Формирование и становление языковой личности отражает объективные и субъективные трансформации современного информационного общества, являясь их неотъемлемой составляющей, а дальнейшее

изучение языковой личности внесет посильный вклад в понимание общественно-политических, экономических, социокультурных и собственных лингвистических процессов, происходящих в начавшемся втором и последующих десятилетиях XXI века.

Литература

- АРХИПОВ, И. К., 2008. Языковая личность как объект философского, лингвистического и психологического исследования. *В: Лингво-философский портрет современной языковой личности: Сборник материалов международной научной конференции*. Владимир: ИЯ РАН, ВГГУ, 21–28.
- БОГИН, Г. И., 1975. *Уровни и компоненты речевой способности человека*. Калинин: Калининский ун-т.
- БОГИН, Г. И., 1984. *Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Дис. ... докт. филол. наук*. Калинин: Калининский ун-т.
- БУСЛАЕВ, Ф. И., 1992. *О преподавании отечественного языка*. Москва: Просвещение.
- ВИНОГРАДОВ, В. В., 1930. *О художественной прозе*. Москва; Ленинград: Гослитиздат.
- ГОРЕЛОВ, И. Н.; СЕДОВ, К. Ф., 2001. *Основы психолингвистики*. Москва: Лабиринт.
- ГУМБОЛЬДТ, В. фон, 1985. *Язык и философия культуры*. Москва: Прогресс.
- ЗАЛЕВСКАЯ, А. А., 2000. *Введение в психолингвистику*. Москва: Российск. гос. гуманит. ун-т.
- КАМЕНСКАЯ, О. Л., 1990. *Текст и коммуникация*. Москва: Высшая школа.
- КАНЧЕР, М. А., 2002. *Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале игровых программ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т.
- КАРАСИК, В. И., 2002. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н., 1987. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Наука.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н., 1997. Языковая личность. *В: Русский язык: Энциклопедия*. Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Дрофа, 671–672.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н., 2002. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Едиториал УРСС.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н.; ФИЛИППОВИЧ, Ю. Н., 2009. *Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования*. Москва: Азбуковник.
- КЛОБУКОВА, Л. П., 1995. Феномен языковой личности в свете лингводидактики. *В: Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова*. Москва: МГУ, 321–323.
- КЛОБУКОВА, Л. П., 1997. Феномен языковой личности в свете лингводидактики. *В: Язык, сознание, коммуникация*. Москва. Вып. 1, 25–31.
- КРАСНЫХ, В. В., 2003. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва: ИТДГК «Гнозис».
- КОЗЫРЕВ, В. А.; ЧЕРНЯК, В. Д., 2007. *Русская лексикография*. Москва: Дрофа.
- КУБРЯКОВА, Е. С., 2004. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянской культуры.
- ЛАССАН, Э., 2008. О соотношении теории языковой личности и понятий межкультурной коммуникации. *В: Лингвофилософский портрет современной языковой личности: Сборник материалов международной научной конференции*. Владимир: ИЯ РАН, ВГГУ, 133–141.

ЛЕОНТЬЕВ, А. Н., 1975. *Деятельность. Сознание. Личность*. Москва: Политиздат.

Лингвофилософский портрет современной языковой личности: Сборник материалов международной научной конференции. Отв. ред. Н. В. Юдина, 2008. Владимир: ИЯ РАН, ВГГУ.

ЛЯПОН, М. В., 1995. Языковая личность: поиск доминанты. *In: Язык – система. Язык – текст. Язык – способность*. Москва: Просвещение, 260–276.

МИХАЛКИНА, И. В., 1998. *Лингвометодические основы обучения иностранных граждан русскому языку как средству делового общения: Дис. ... докт. пед. наук*. Москва: МГУ.

МОРКОВКИН, В. В., 1988. Антропоцентрический versus центрический подход к лексикографированию *In: Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном слове: Сборник статей* / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. Москва: Наука, 130–136.

МОРКОВКИН, В. В., 2006. О синергетическом лексикографировании *In: Языковая личность: текст, словарь, образ мира*. Москва: РАН, 351–360.

ОЖЕГОВ, С. И.; ШВЕДОВА, Н. Ю., 2005. *Толковый словарь русского языка*. Москва: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ.

ПРИВАЛОВА, И. В., 2005. *Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации)*. Москва: Гнозис.

ПРОХОРОВ, Ю. Е., 1996. *Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев*. Москва: УРСС.

ПУШКИН, А. А., 1990. Способ организации дискурса и типология языковых личностей. *In: Язык, дискурс, личность*. Тверь: Твер. ун-т, 50–60.

СИДОРОВ, Е. В., 1989. Личностный аспект речевой коммуникации и текста. *In: Личностные аспекты языкового общения*. Калинин: КГУ, 16–25.

СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н., 2004. *Современный толковый словарь живого русского языка. Обоснование концепции. Пробные словарные статьи*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н., 2006. Об одном словаре антропоцентрического типа. *In: Языковая личность: текст, словарь, образ мира*. Москва: РУДН, 365–377.

СОКОЛОВА, В. В., 1995. *Культура речи и культура общения*. Москва: Просвещение.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. Под ред. Г. Н. Скляревской, 2001. Москва: Астрель, АСТ.

ЧЕРНУХИНА, И. Я., 1984. *Элементы организации художественного прозаического текста*. Воронеж: Воронеж. ун-т.

Языковая личность: текст, словарь, образ мира, 2006. Москва: РУДН.

Natalia Yudina

Vladimir State University, Russia

Research interests: linguistic theory, philosophy of language, cognitive linguistics, linguoculturology, psycholinguistics, sociolinguistics, linguistic activity at the beginning of the 21st century, modern language personalities

LANGUAGE PERSONALITY IN THE RUSSIAN LINGUISTIC TRADITION: DIACHRONIC-SYNCHRONIC ASPECTS

Summary

The article is devoted to the analysis of one of the most important terms in modern linguistic usage –

the definition of a *language personality*. It was introduced in Russian-language scientific use in the 1930s by academician V. Vinogradov, and has been related to the ever-increasing interest in the anthropocentric factor in language, as well as to changes in the scientific linguistic paradigm, since the 1980s. Resuming some terminological and conceptual descriptions of language personality, as represented in the Russian-language linguistic literature, this article comes to the conclusion that language personality theory is presently reviewed in linguodidactics, linguoculturology, cognitive linguistics, ethnolinguoculturology, psycholinguistics, lexicography, stylistics, pragmatics, and other intra- and extralinguistic disciplines.

The complex analysis makes it possible to identify verbal-semantic (lexicon), linguocognitive (thesaurus), motivational (pragmaticon; cf. Y. N. Karaulov), stylistic, communicative-pragmatic, linguoculturological, emotional, articulatory, and other levels. In addition to language personality, the terms *verbal* and *communicative personality* must also be specified and systematized. Further conceptual and terminological research in the description of language personality seems highly necessary for modern linguistics. The process of developing and establishing a language

personality appears to be an essential component of the objective and subjective transformations of the information society. Further inquiry into the study of language personality will contribute to a better understanding of the social-political, economic, socio-cultural and linguistic processes occurring in the 21st century.

KEY WORDS: anthropocentric factor, language personality, language personality conception, levels of a language personality, verbal personality, communicative personality, linguodidactic model, the Russian language, extralinguistic disciplines.

Gauta 2011 11 02

Priimta publikuoti 2012 01 26